

Тр. 4, 17. № 10 Коялович М.

XXI-2-14.

панна А.

2

8/199

Церков. Вѣст.

из № 3-7

ПОѢЗДКА ВЪ СЕРЕДИНУ БѢЛОРУССІИ *)

1887.

Въ старыя западно-русскія времена русская жизнь сосредоточивалась въ сильныхъ народныхъ центрахъ, и по мѣрѣ давленія съ запада отступала на востокъ, въ новыя сильныя средоточія. Такъ, эта жизнь была сильна сначала въ Вильнѣ и Львовѣ, затѣмъ она находила себѣ опору для БѢлоруссіи въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ, а для Малороссіи—въ Острогѣ, Луцкѣ, затѣмъ еще далѣе—для Малороссіи въ Кіевѣ, для БѢлоруссіи въ Могилевѣ, откуда и началось обратное движеніе русской силы на западъ, на старыя русскія мѣста. Нужно признать, что это обратное движеніе совершалось съ большою медленностію и осторожностію. Собственно говоря, больше смѣлости въ этомъ направленіи показали уніаты. Изъ Полоцка и Луцка они подвинули свои силы къ Жировицамъ, Супраслю и Бресту и уже къ 1805 г. возникъ у нихъ проектъ возстановить уніатскую митрополию въ Вильнѣ. Смѣлѣе всѣхъ поступилъ митрополитъ Іосифъ Сѣмашко. Изъ его записокъ видно, что онъ рѣшился отдать свои силы самой слабой части западной Россіи. Въ этомъ и нужно искать объясненія, почему онъ передвинулъ центральное управленіе своей епархіи изъ такого прекраснаго, народнаго пункта, какъ Жировицы, въ такое, хотя и богатое по историческимъ воспоминаніямъ, но оскудѣвшее русскою народною силою мѣсто, какъ Вильна, гдѣ, конечно, задолго до Іосифа существовало уже генераль-губернаторство (съ 1794 г.), но оно тамъ образовалось гораздо больше въ связи съ польскимъ оживленіемъ Вильны, чѣмъ съ требованіями русской жизни. Русская жизнь требовала избрать такимъ средоточіемъ Минскъ, какъ это и намѣтилось было при Екаториѣ II раньше Вильны (1793 г.).

*) Въ прошедшемъ году, въ послѣднихъ №№ «Церковнаго Вѣстника», мы дали общій очеркъ состоянія западной Россіи, какъ оно представлялось намъ во время нашего прошлогодняго путешествія по этой странѣ. Теперь мы дадимъ отдѣльныя очерки нѣкоторыхъ мѣстностей.

Но случилось иначе: главнѣйшее гражданское и церковное средоточіе для такъ называемаго сѣверо-западнаго края существуетъ въ западной, слабѣйшей части этого края — въ Вильнѣ, и съ этимъ фактомъ нужно считаться. Правильные счеты могли бы быть таковы: логически слѣдовало бы, чтобы твердое и ясное русское направление въ Вильнѣ составляло своего рода догматъ, чтобы въ силу этого въ Вильнѣ рядомъ съ генераль-губернаторствомъ стояла возстановленная западно-русская митрополія и при ней, какъ лучшая умственная и нравственная опора, весьма важная и для гражданскихъ цѣлей — духовная академія, чтобы, наконецъ, не только учебный округъ и округъ судебной палаты, но и генераль-губернаторство (какъ уже было) и новая митрополія и новая академія обнимали весь сѣверо-западный край, т. е. чтобы по всѣмъ сторонамъ жизни возстановлена была связь западной Бѣлоруссіи съ восточною и слабѣйшія части этой страны находили себѣ опору и подкрѣпленіе въ болѣе сильныхъ.

Крайняя нужда въ этой опорѣ ясна теперь для всякаго внимательнаго наблюдателя дѣль въ такъ называемой литовской епархіи или, что въ гражданской средѣ тоже, въ виленскомъ генераль-губернаторствѣ. Тутъ вы видите то самоотверженныхъ, надрывающихъ свои силы русскихъ людей, то совершенно апатичныхъ, подавленныхъ трудностями жизни, и это не только въ интеллигенціи, но и въ простомъ народѣ. На борьбу за русское, православное существованіе тутъ уходитъ такъ много силъ, что страшно глядѣть на борцовъ и совѣстно осуждать апатичныхъ людей. Извѣстно, что въ послѣднюю польскую смуту изъ этихъ мѣстъ больше всего вышло мучениковъ, исповѣдниковъ, что не могло обойтись безъ истощенія силъ, а сейчасъ же послѣ того настало время посярмленія всякаго русскаго подвига. Великая добродѣтель митрополита Юсифа помнить всегда заслуги совершенно отсутствовала, а затѣмъ стала очень рѣдкою. И теперешнее время не очень можетъ похвалиться этою добродѣтелью. Напротивъ, мы, кажется, непремѣнно хотимъ оправдывать старое мнѣніе иноземцевъ, что мы русскіе не любимъ постоянства и очень любимъ перемѣны. Западно-русскіе исповѣдники, цѣлые мѣсяцы проживавшіе въ лѣсахъ, болотахъ и всякихъ пропастяхъ земныхъ, но и тамъ внушавшіе народу вѣрность Россіи, забыты, нѣкоторые даже попали на дурной счетъ и иные изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ опустились. Страшно, дѣйствительно, глядѣть на борцовъ и совѣстно осуждать апатичныхъ людей. Тутъ больше, чѣмъ гдѣ-либо въ иныхъ мѣстахъ западной Россіи, нужны подкрѣ-

плєніє и ободреніє, а гдѣ ихъ найти лучше всего и проще всего, какъ не въ восточныхъ странахъ Бѣлоруссіи? Офіціальная среда пополняется прїѣзжими изъ внутренней Россіи, но прїѣзжіе не могутъ наполнить всѣхъ мѣстъ, да и не хорошо это было бы. Притомъ кромѣ офіціальной среды есть еще немалочисленные ступени общественной и частной жизни, старательно теперь занимаемыя полябами и жидами. Объ этихъ-то восточныхъ странахъ Бѣлоруссіи и я постоянно вспоминалъ, когда разѣзжалъ по западной Бѣлоруссіи, и рѣшился захватить въ эти страны хотя на короткое время и недалеко, покрайней мѣрѣ, въ Минскъ.

Я направился въ Минскъ не прямо по либаво-роменской желѣзной дорогѣ, а сначала свернулъ съ нея въ сторону и забрался къ восточнымъ предѣламъ виленской губерніи. Я проѣзжалъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ молодецянскаго семинаріи; къ сожалѣнію, не могъ быть въ ней, но народную силу ея ощутилъ и въ близкомъ и въ дальнемъ ея районѣ. Крестьяне сердечно относятся къ этому заведенію, сами заявляютъ, что тамъ изъ крестьянъ выходятъ народные учителя, и съ гордостью докладываютъ о себѣ тѣ изъ нихъ, которые учились въ начальной школѣ, существующей при этой семинаріи.

Нужно вспомнить, что это первая въ Россіи учительская семинарія и что въ основу ея жизни положены тѣ самыя начала, которыя теперь признаются лучшими началами народного образованія, т. е. единство гражданскаго и церковнаго образованія и вѣрность строю русской народной жизни. Въ исторической жизни этой семинаріи, конечно, бывали наслоенія разныхъ направленій. Я знавалъ изъ питомцевъ этой семинаріи и такихъ экзальтированныхъ народныхъ самобытниковъ, которые заявляли мнѣ, что они одни вѣрные выразители и носители судебъ бѣлорускаго племени, и храню у себя и такое письмо народного учителя изъ молодецянскихъ питомцевъ, которое украшено надъ надписью: народный учитель такого-то училища (какъ это дѣлается на офіціальныхъ бумагахъ) дворянскою короною, оттиснутой красною краскою, очевидно, посредствомъ самодѣльнаго штемпеля этого учителя, хотя въ этомъ же письмѣ говорится, что пишущій изъ простыхъ людей. Но я и прежде знавалъ, и теперь встрѣчалъ и такихъ учителей, выпешшихъ изъ молодецянскихъ семинаристовъ, о которыхъ сохраняю самое прїятное воспоминаніе. Въ настоящій разъ у меня было простое средство сразу опредѣлять, съ кѣмъ я встрѣчаюсь. Мои «Чтенія по исторіи западной Россіи» распространены по всѣмъ народ-

нымъ училищамъ виленскаго учебнаго округа. При первыхъ словахъ съ народнымъ учителемъ, даже при первомъ взглядѣ на него я легко могъ понять, вдумывался ли онъ въ прошедшія судьбы страны или нѣтъ, и воспринялъ или нѣтъ въ свою душу русскія радости и скорби западно-русской земли? Я долженъ сказать, что чаще всего находилъ положительный отвѣтъ и что изъ моей нынѣшней повѣдки я ничего такъ живо не припоминаю себѣ, какъ тѣ глаза народныхъ учителей, въ которыхъ я читалъ этотъ положительный отвѣтъ. Дѣло тутъ не въ личныхъ симпатіяхъ и личномъ самолюбіи. Очевидно, старыя начала жизни сохраняются въ учительскихъ семинаріяхъ сѣверо-западнаго края, а въ особенности въ старѣйшей молодецкянской семинаріи, и они-то, эти старыя начала, безъ сомнѣнія, и привлекаютъ къ этой семинаріи сердца окружающаго крестьянства.

Отрадныя явленія представились мнѣ и въ интеллигентной средѣ въ первомъ городѣ, въ которомъ мнѣ пришлось переночевать. Я встрѣтилъ два замѣчательныхъ типа. Одинъ—правитель города, молодой, видный, энергичный, знающій весь уѣздъ и безъ труда распутывающій мѣстные узлы жизни. Хорошія преданія его рода, замѣчательно даровитаго, облегчаютъ ему это мудреное дѣло.

Другой типъ—мѣстный батюшка, старый, убѣленный сѣдинами, но какая свѣжесть и какія богатые мѣстные знанія! Знаетъ всѣхъ и все важное на огромномъ пространствѣ, а память такая, что я съ изумленіемъ остановился передъ нимъ и сильно завидовалъ. Это живая исторія за послѣднюю четверть вѣка, и я съ наслаженіемъ слушалъ, какъ старый батюшка рассказывалъ мнѣ событія этого времени, называлъ имена, годы, мѣсяцы, нерѣдко и дни; напоминалъ мнѣ и мои статьи, писанныя въ послѣднюю польскую смуту, и сообщалъ объ нихъ такія извѣстія, которыхъ я вовсе не зналъ, хотя тогда имѣлъ громадныя сношенія съ русскими людьми западной Россіи.

Въ болѣе отдаленную старину и при иномъ освѣщеніи пришлось мнѣ перенестись, когда я двинулся далѣе въ глубь Бѣлороссіи. На краѣ одного мѣстечка видѣлись развалины замка знаменитыхъ и въ русской жизни князей Ольшанскихъ. За развалинами видѣлись новыя строенія русскаго помѣщика, говорятъ, значительнаго и постепенно увеличивающаго свое владѣніе, а въ серединѣ мѣстечка старенькая, деревянная церковка, наводящая уныніе и внѣшнимъ своимъ видомъ и внутреннимъ убожествомъ.

Кругомъ ея печальные слѣды задуманнаго, но не исполняющагося замысла строить новую церковь. Свезены, навалены кругомъ и какъ бы вросли въ землю большіе камни. «Посмотрите на нашу старую, убогую церковь»,—сказалъ мнѣ священникъ,—«назначено строить новую, и мы давно уже навозили камни для фундамента; но еще не дошла очередь до нашей церкви; нужно ждать, пока будутъ свободныя суммы. Свѣжите кому-нибудь о нашемъ убожествѣ»,—кратко прибавилъ священникъ. Исполняю его просьбу здѣсь, печатно. Это—мѣстечко Ольшаны, виленской губерніи, опшмянскаго уѣзда.

Противоположности, чарующая гармонія и дикіе диссонансы народной жизни преслѣдовали меня и дальше. Русскій, православный народъ, очевидно, тутъ плотнѣе, церкви чаще, чѣмъ костелы; но странно, между рѣдко встрѣчающимися костелами новые этапныя пунеты латинства--такъ называемыя филии, будто часовни, а въ дѣйствительности тѣ же костелы при панскихъ дворахъ. Или, село или деревня—какъ есть чисто сельское поселеніе, а между тѣмъ тутъ два, три жидовскихъ дома, и оно называется мѣстечкомъ. Въ самомъ народѣ видны двѣ струи, двѣ цивилизаціи и притомъ различныя до поражающей противоположности. То идутъ женщины, которыхъ головной уборъ напоминаетъ времена татарскія и языческія (подбородокъ, ротъ и даже часть носа прикрыты подвязаннымъ бѣлымъ платкомъ), то вы видите полевыхъ работницъ, одѣтыхъ въ новомодныя, городскія платья, конечно, вдвойнѣ жалкаго вида.

Наконецъ, я забрался къ восточному краю виленской губерніи. Къ востоку тутъ громадныя лѣса (еще уцѣлѣвшіе), за ними Нѣманъ и дальше уже минская губернія. Сколько невѣдомыхъ особенностей и добродѣтелей вскрылось передо мною въ этой мѣстности, отдаленной отъ большихъ городскихъ центровъ жизни! Священникъ, обремененный громадною семьей и половину своего поколѣнія воспитывающій на собственныя средства, не беретъ ничего за совершеніе требъ, и когда ему стали надоѣдать, чтобы взялъ что-нибудь за свадьбу, онъ съ явнымъ недовольствомъ заявилъ въ церкви при большомъ собраніи народа: «развѣ вы не знаете, что я ничего не беру за требы»? Между тѣмъ, въ домѣ его десять челоувѣкъ населенія, онъ одиннадцатый. Простота во всемъ, но простота христіанская, благодушная и радушная ко всемъ. Слабосильная матушка, физически изнемогающая въ заботахъ, имѣетъ великую радость и счастье въ долголѣтіи и бодрости своей матери,

которая собственно и царствует въ этомъ многолюдномъ домѣ. Въ комнатѣ бабушки со всѣхъ сторонъ кровати малыхъ дѣтей и тутъ самая выработанная система управления, основанная на глубокомъ знаніи особенностей этихъ малышей. Есть даже дѣ-то, но никогда не отыскиваемая, старинная плетка. Царственная власть бабушки не ограничивается, однако этой комнатой. Она простирается на кухню, выступаетъ во дворъ и обнимаетъ всю домашнюю живность, которая тоже тщательно изучена и имѣетъ даже особыя личныя имена. Управление обнимаетъ и молочное хозяйство и въ погребѣ нието не смѣетъ самъ ставить, брать, ни даже мыть молочныхъ горшковъ. На всѣ возраженія бабушка отвѣчаетъ одно: «я знаю, что лучше и чище меня никто не сдѣлаетъ всего этого». Но старуха не вся въ этихъ мелочахъ. Она иногда поднимается къ разъясненію и высшихъ вопросовъ жизни. «Скажите мнѣ», — спросила она меня, — «что это значить: всѣмъ раздають награды; придумали теперь еще и разные значки, а намъ просфирнямъ ничего нѣтъ?! Вотъ, я слишемъ тридцать лѣтъ пеку просфоры и просфоры хорошія, а никакой награды не получаю. Хотъ бы придумали какой-либо значекъ и намъ — просфирнямъ». — «Да вы, матушка», — сказалъ я, — «кажется, живете не на своемъ просфирническомъ мѣстѣ?» — «Что же, что не на своемъ? Здѣсь пеку просфоры, а тамъ, на моемъ мѣстѣ, по соглашенію, пекутъ за меня. Да развѣ я могу отсюда уѣхать? Сами видите. Притомъ же мнѣ нужно бываетъ ѣздить на время и къ другой дочкѣ. При дѣтяхъ и внукахъ живу, и просфоры пеку, и просфоры хорошія. Слѣдовало бы чѣмъ-либо награждать и насъ — просфиренъ?».

Я подозрѣваю, что такое честолюбіе въ старухѣ просфирнѣ возбуждено не одними, дошедшими до нея слухами, что теперь вся Россія покрывается значками, а главнымъ образомъ тѣмъ, что на ближайшемъ своемъ сосѣдѣ — народномъ учителѣ — она видитъ медаль въ память усмиренія польскаго мятежа. Такая медаль на груди народнаго учителя! Какая это почтенная рѣдкость! Значить, онъ учительствуетъ почти четверть вѣка, а можетъ быть, и больше. И этотъ же учитель управляетъ церковнымъ хоромъ. Старое народное училище тутъ совмѣщаетъ въ себѣ и церковныя и гражданскія нужды народнаго просвѣщенія.

Въ этой же отдаленной отъ Вильны мѣстности я встрѣтилъ еще болѣе поражающую рѣдкость. Одинъ, довольно уже пожилой крестьянинъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не знаю ли я профессора кievской академіи Ивана Игнатьевича Малышевскаго. «Знаю

и давно и близко, а вы какъ знаете Ивана Игнатьевича?» — спросилъ я въ свою очередь съ величайшимъ изумленіемъ. — «Мы изъ одного села (минской губерніи) съ Иваномъ Игнатьевичемъ, и когда онъ былъ юношей, то обучалъ меня грамотѣ», — отвѣтилъ мнѣ крестьянинъ. — «Я вмѣстѣ съ другими переселенъ сюда изъ минской губерніи помѣщикомъ еще при крѣпостномъ правѣ». Я по завидовалъ счастью почтеннаго Ивана Игнатьевича — имѣть изъ простого народа ученика, такого стараго возраста и такъ живо помнящаго своего учителя.

Но рядомъ съ такими отрадными явленіями пришлось наблюдать и совсѣмъ иного рода явленія. Тутъ въ народѣ латинскаго закона какимъ-то образомъ утверждено мнѣніе, что это страна польская и латинская, что поляки-латиняне здѣсь коренные жители, а русскіе — православные пришли послѣ. Мнѣ при этомъ живо вспомнилось читанное въ одномъ дѣлѣ прошеніе извѣстныхъ логишинцевъ, въ которомъ таже нелѣпность обставлена такими историческими познаніями. Какой-то мудрый мужъ польскаго лагеря настроилъ логишинцамъ въ прошеніи, что они испоконъ вѣковъ поляки-латиняне и первые насельники ихъ страны, что страна эта была пустынная, только шайки татаръ пробѣгали по ней, а предки ихъ — логишинцевъ пришли изъ Польши и населили Логишинъ.

Польско-латинская теорія, очевидно, прилагается къ весьма важнымъ практическимъ дѣламъ. Въ той мѣстости, въ которую я забрался, она выражена и въ любопытномъ вещественномъ памятникѣ. На одномъ холмѣ стоитъ желѣзный крестъ на желѣзномъ же пьедесталѣ съ загадочными буквами на самомъ крестѣ и съ польскою надписью на пьедесталѣ о милосердіи Божиемъ къ людскимъ грѣхамъ и съ обозначеніемъ, что крестъ поставленъ въ папствованіе Пія IX, въ 1853 году. (Говорятъ, что этотъ крестъ поставленъ по случаю холеры и что такой же крестъ есть и въ другомъ мѣстечкѣ той страны). Какая русская гуманность или какой русскій гуманнѣйшій недосмотръ! Такой памятникъ поставленъ свободно въ царствованіе Николая I, въ царствованіе того государя, на котораго такъ много жалуются поляки, да и время Муравьева прошло, не тронувъ этого публичнаго и въ началѣ, безъ сомнѣнія, весьма торжественнаго оказательства латино-польскихъ притязаній. И одно ли это свидѣтельство о настоящемъ и будущемъ родамъ о русской гуманности или о русскомъ гуманномъ недосмотрѣ! Мы уже упоминали, что въ Вильнѣ православная Островоротная икона Божіей Матери находится въ рукахъ латинянь, и ни митрополитъ Іосифъ

Сѣмашко, ни М. Н. Муравьевъ не отняли ея, хотя имѣли къ тому слишкомъ много поводовъ. Мы упоминали также о кальварійскихъ часовняхъ у Вильны, у которыхъ народъ свободно оглашаетъ чутъ не въ теченіе цѣлаго мѣсяца съ утра и до вечера окрестности своимъ пѣніемъ религиозныхъ польскихъ пѣсенъ, а какъ легко это пѣніе могло вызвать ригоризмы, можно судить по слѣдующему факту. Въ 1862 году, во время перваго моего путешествія по западной Россіи, я былъ въ Вильнѣ во второй половинѣ мая, и въ одну изъ моихъ поѣздокъ къ митрополиту Іосифу въ его загородный домъ (Тринополь) сидѣлъ съ нимъ и бесѣдовалъ въ его саду на возвышенной мѣстности, съ которой открывается прекрасный видъ на р. Вилію, а поближе черезъ дорогу наискось видна одна изъ кальварійскихъ часовень. Къ часовнѣ стала подходить группа народа съ обычнымъ пѣніемъ пѣсенъ. Какъ только въ группѣ замѣтили митрополита Іосифа, такъ сейчасъ же пѣніе превратилось въ неистовый ревъ и это явное кощунство способно было глубоко возбудить всякаго. Мы умоляли. Я взглянулъ на митрополита Іосифа. Ни одинъ мускулъ его лица не измѣнился, только дальнорзкіе глаза его устремились по направленію къ часовнѣ, у которой совершалось это латино-польское кощунство. Этотъ великій западно-русскій святитель и великій западно-русскій человѣкъ, безъ всякаго сомнѣнія, возвышался тутъ надъ этимъ грѣхомъ невѣдѣнія роднаго народа, а въ этомъ неистовомъ ревѣ угадывалъ степень фанатизма латино-польскихъ вождей, и оставлялъ всѣхъ въ покоѣ. Справедливость однако требуетъ сказать, что въ той глухой мѣстности, которую я описываю, рядомъ съ польскими притязаніями, несомнѣнно существуетъ и въ польской средѣ большая гуманность. Я ее постоянно видѣлъ въ отношеніяхъ тамошнихъ русскихъ и поляковъ и даже на себѣ неразъ испытывалъ. Но странно, польская гуманность—весьма практическая гуманность, соединяется съ большимъ и большимъ усиленіемъ польскаго элемента.

Направляясь въ Минскъ, я припоминалъ не только его историческое значеніе, но и личныя мои наблюденія въ 1862 г., когда я былъ и въ этомъ городѣ и во многихъ мѣстахъ минской губерніи. Тогда въ глухихъ мѣстностяхъ этой страны, еще не знавшей ни желѣзныхъ дорогъ, ни прославленной осушки пинскихъ болотъ, вѣяло великою древностію. Не разъ мнѣ казалось, что наши древнія лѣтописныя извѣстія о русской дани съ Литвы, между прочимъ, лыками суть показанія недавняго свидѣтеля (я часто видѣлъ, какъ чисто архаическіе бѣлорусы везли лыка на своихъ тоже архаическихъ во-

зыкахъ, любой изъ которыхъ петербургскій ломовой могъ бы поднять со всею кладью), и мнѣ становилось яснымъ, почему известный нашъ изслѣдователь славянскаго язычества, покойный Аванасьевъ нерѣдко находилъ въ Бѣлоруссіи древнѣйшія формы славянскихъ языческихъ мифовъ. Но эти архаическіе бѣлоруссы, жившіе, повидимому, на много вѣковъ позади всѣхъ насъ, тогда же изумляли меня присутствіемъ въ нихъ большой современной силы русскаго народнаго самосознанія. Отъ нихъ я тогда не разъ слышалъ, что если бы изъ Петербурга сказали имъ только слово, то они доставили бы туда въ мѣшкахъ всѣхъ пановъ, затѣвавшихъ тогда смуту.

Въ городахъ, особенно въ Минскѣ, я тогда видѣлъ жестокое, явно мятежное возбуденіе поляковъ; но видѣлъ также и великое возбужденіе и единодушіе русскихъ людей. Я сразу попадалъ въ ихъ среду, какъ въ родную семью, и узнавалъ сейчасъ же такіе польскіе секреты, какихъ теперь вѣроятно не могъ бы узнать и въ цѣлые мѣсяцы. Живо также вспоминалъ я, какъ, во времена возникшей затѣмы польской смуты, на югѣ минской губерніи, въ самыхъ архаическихъ ея мѣстахъ, сама собою и даже безъ спроса у Петербурга, встала старинная бѣлорусская сила православной шляхты, потомковъ литовскихъ панцырныхъ бояръ, вооружилась и сразу тушила у себя польскую смуту, за что во времена Потаповскія многіе изъ этой шляхты согнаны были съ земли, оказавшейся какимъ-то образомъ не ихнею, и пошли по міру. Вспомнилъ я живо и то всеобщее русское народное оживленіе въ этой срединной Бѣлоруссіи во времена Муравьева и Кауфмана, которое вызвало и двинуло къ осуществленію величественный планъ увѣковѣчить тамъ освобожденіе крестьянъ и усмиреніе польской смуты всенароднымъ храмомъ и ремесленнымъ училищемъ.

Сильное народное чувство, скрывавшееся въ минской области и озаренное въ польскую смуту необычайнымъ народнымъ самосознаніемъ, стало дѣйствовать и на тамошнюю латинскую среду. Въ Минскѣ и минской губерніи положено было начало самому правильному разрѣшенію вопроса о прибавочномъ богослуженіи въ латинской церкви. Въ Минскѣ и минской губерніи даже жида стали подаваться русской тягѣ. Тамъ существовала группа жидовъ, стремившихся къ христіанству, и изъ нея вышелъ такой замѣчательный человекъ, какъ покойный Брафманъ, имѣвшій не мало и послѣдователей, а мнѣ известенъ еще одинъ фактъ, по которому я могу заключить, что и группа кишиневскихъ жидовъ, во главѣ

которой стоит Рабиновичъ, имѣла связь съ минскою группою Брафмана.

Что же такое теперь Минскъ? Минскъ теперь прекрасный городъ. Это одинъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ сѣверо-западнаго края. Я съ трудомъ узнавалъ мѣста, въ которыхъ тамъ бывалъ въ 1862 г. Такъ этотъ городъ выросъ и перестроился послѣ неоднократныхъ пожаровъ. Минскъ въ своемъ быстромъ ростѣ дошелъ даже до сильнаго самообольщенія и самозабвенія. Тамъ недавно послѣдовали жестокиа банкирскія крушенія и, какъ бы на смѣну имъ, на Минскъ налетѣли и свои и чужіе предприниматели желѣзноконныхъ дорогъ, водопроводовъ и электрическаго освѣщенія. Даже мѣстный печатный органъ «Минскій Листокъ», подававшій значительныя русскія надежды, увлекся блескомъ Минска и въ совершенномъ забвеніи о существующихъ ограниченіяхъ для поляковъ и жидовъ и о дѣйствительныхъ отношеніяхъ между ними и русскими, заявляетъ: «край этотъ (т. е. минскій и вообще сѣверо-западный) представляется намъ (т. е. редакціи «Минскаго Листка») не ареною борьбы (!) различныхъ элементовъ, но поприщемъ мирнаго сосуществованія людей, которые имѣютъ одинаковое (!) право на матеріальное, умственное и нравственное процвѣтаніе».

Лично для меня Минскъ былъ и теперь привѣтливимъ. Я встрѣтилъ и въ немъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, радушную внимательность, о которой сохраняю дорогое для меня воспоминаніе. Но да простятъ мнѣ минскіе люди суровую правду, которую я обязанъ здѣсь высказать, — обязанъ потому, что этого требуетъ русское, православное благо страны, а оно должно стоять выше всякихъ личныхъ отношеній и личныхъ связей.

Нигдѣ, ни въ какой мѣстности западной Россіи я не видѣлъ такого подавленнаго, удручающаго положенія мѣстныхъ русскихъ людей, какъ въ Минскѣ. Почти всѣ мои старые знакомые, которыхъ я зналъ много лѣтъ, какъ людей хорошихъ, находятся то подъ судомъ, то въ опалѣ, то въ такомъ положеніи, которое иногда хуже суда и опалы, потому что заставляетъ ежедневно ждать, что завтра постигнетъ бѣда, хотя не извѣстно за что. Мнѣ начали было рассказывать исторіи этихъ личныхъ бѣдъ; но я, гдѣ только могъ, превращалъ такіе рассказы и всѣмъ заявлялъ, что я не судія имъ и разбираться въ ихъ личныхъ дѣлахъ не имѣю права и не умѣю, что я простой наблюдатель ихъ общественныхъ дѣлъ, и если они хотятъ видѣть что-либо практическое въ моемъ странствованіи, то вотъ моя праектика: я радуюсь, когда нахожу

двухъ, трехъ человѣкъ, служащихъ тѣмъ же русскимъ идеямъ, которымъ я служу столько уже лѣтъ, а если встрѣчаю такихъ людей вдвое, втрое больше, то и радость моя вырастаетъ вдвое и втрое.

Но вотъ этой-то безхитростной мисси, которую я вездѣ заявляю, минскіе люди наносили самые жестокіе удары. Въ первое время я никакъ не могъ найти двухъ, трехъ человѣкъ вмѣстѣ, а когда случалось, что у меня неожиданно сходились двое, трое, то никакимъ образомъ нельзя было завести общей бесѣды, и это все съ такими людьми, изъ которыхъ каждый несомнѣнно желалъ чаще видѣться со мною и говорить. Отъ нихъ въ отдѣльности я и узналъ, что при всемъ ихъ желаніи, они не смѣютъ вдвоемъ, втроемъ видѣться со мною, потому что боятся бѣды, хотя очень хорошо знали, что я въ Минскѣ ни съ кѣмъ не враждую и что нѣтъ основанія думать, чтобы самъ я былъ въ какой-либо опалѣ и слѣдовательно былъ опасенъ для нихъ.

Я невольно сталъ думать, что въ Минскѣ образуется новая ересь, и тѣмъ страннѣе, что образуется главнымъ образомъ въ духовной средѣ. Спаситель говоритъ, что гдѣ соберутся двое или трое во имя его, тамъ и онъ посреди ихъ, и эти слова, безъ сомнѣнія, относятся не къ однимъ церковнымъ собраніямъ, но и къ такимъ, гдѣ искренно имѣется въ виду нравственное, христіанское благо. Извѣстна также азбучная вещь, что всякая цивилизація въ человѣческихъ обществахъ можетъ развиваться только при условіи общенія между людьми. Въ Минскѣ, очевидно, иначе думаютъ,—тамъ, должно быть, полагаютъ, что всякое общеніе есть зло, и боятся его какъ огня.

Правда, это не есть исключительно минское зло. Теперь по всей Россіи распространяется тоже повѣтріе. Хорошіе и серьезные русскіе люди вездѣ болѣе и болѣе уединяются и предоставляютъ болѣе и болѣе широкое поприще общительности прежде всего дурнымъ людямъ, затѣмъ—просто веселымъ людямъ и наконецъ—инородцамъ и иновѣрцамъ. Но внутренняя Россія все-таки еще велика, сильно еще здорова и потому даже благодушно встрѣчаетъ и выноситъ эту болѣзнь. Не то бываетъ въ западной Россіи. Тамъ всякая русская болѣзнь сказывается и сильнѣе и болѣзненнѣе, и мы бы совѣтовали всѣмъ имѣющимъ глаза и не видящимъ этой болѣзни, и имѣющимъ уши и не слышащимъ страданій отъ нея, ѣхать въ Минскъ и приглядѣться, до какого невозможнаго положенія доведены тамъ многіе русскіе люди, даже несомнѣнно пот-

рудившіеся для блага страны, и какъ радуются тамъ поляки и жидаы такому порядку вещей. Да и какъ не радоваться! О минскомъ православноиъ братствѣ теперь ничего нельзя дознаться, а въ заслонившемъ его русско-польскомъ благотворительномъ обществѣ, говорятъ, русское вліяніе можетъ пробиваться съ величайшимъ трудомъ, и то только послѣ разныхъ, чисто дипломатическихъ ходовъ. Строеніе западноорусскаго всенароднаго памятника имѣетъ уже такую исторію, что тутъ какъ будто одинаково старались и русскія и нерусскія силы, чтобы посрамить это дѣло какъ можно больше. Дѣло о русскомъ прибавочномъ богослуженіи въ латинствѣ также посрамлено и школа органистовъ въ Минскѣ влечитъ жалкое существованіе. Правда, группа жидовъ, стремившихся къ христіанству, говорятъ, значительна въ Минскѣ и теперь, состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ такихъ жидовъ, которые бросили талмудъ и дружны съ христіанами; но дальше они не дѣлаютъ ни шагу,—нѣтъ рѣшительной тяги. Одинъ минскій старожилъ чуть не со слезами разсказывалъ мнѣ, сколько важнѣйшихъ дѣлъ у нихъ запущено, а между тѣмъ инныя изъ нихъ сами собою даются въ руки, только бы приступить къ нимъ съ надлежащимъ знаніемъ. Такъ, между прочимъ, онъ указалъ мнѣ на одинъ изъ жгучихъ тамошнихъ вопросовъ,—на значительное у нихъ число такъ называемыхъ упорствующихъ, т. е. латинянь, обращенныхъ въ православіе во времена генерала Кауфмана и затѣмъ отпадшихъ во времена Потапова. Онъ сообщилъ мнѣ, что многіе въ этой массѣ упорствующихъ сильно уже истомились въ своемъ внѣцерковномъ положеніи и сами заявляютъ готовность войти въ православіе, только бы были оформлены ихъ браки, заключенные домашнимъ образомъ, и признаны были законными дѣти, рожденные отъ этихъ браковъ.

Слыша вездѣ вздохи и охи, я естественно сталъ искать людей, которые смотрятъ на дѣла ясно и бодро. Я обратился съ моими недоумѣніями къ одному почтеннѣйшему старожилу, который пережилъ и польскую смуту, и времена Потапова и весь теперь живетъ въ документахъ, раскрывающихъ тѣ времена. Мнѣ трудно было вѣрить, чтобы авторитетный голосъ такого старожила не вліялъ умиротворяющимъ и ободряющимъ образомъ на разрозненныхъ минскихъ людей. Я предполагаю, что такъ и есть; но скромный минскій старожилъ не далъ мнѣ права такъ думать и показалъ, что онъ какъ будто съ горечью махнулъ рукой на нынѣшнія минскія дѣла.

Что же это такое, невольно мнѣ думалось?! Минскъ точно под-

вергся непріятельскому нашествію, и нивакъ не можетъ оправиться отъ него! И не я одинъ такъ думалъ. Мнѣ рассказывали, что это провозглашено было даже на одной минской площади. Одинъ молодой бѣлорусъ сталъ взывать: «защитите, турки бьютъ!» Оказалось, что его били нѣкоторые изъ молдаванъ, которыхъ порядочно набралось теперь въ минскую губернію.

Изъ западнорусской исторіи извѣстно, что молдаване не разъ протягивали руку помощи православнымъ западноруссамъ и еще чаще сами ее получали. Изъ ихъ среды вышли и знаменитый Петръ Могила, обрусѣвшій въ западнорусской жизни. Но отъ вѣка не слыхано, чтобы молдаване, хотя бы то и весьма почтенные въ другихъ отношеніяхъ, могли быть обрусителями сѣверозападнаго края!

Разумѣется, это только одна изъ минскихъ бѣдъ, частность, но частность, приподнимающая край, изъ-подъ котораго видна весьма важная и уже цѣлая неприглядная сторона вообще западнорусской жизни. Тутъ вскрывается одна весьма важная изъ современныхъ западнорусскихъ особенностей. У насъ такъ много заняты обрусѣніемъ этой страны; но, къ сожалѣнію, обрусѣніе понимается чаще всего самымъ неправильнымъ и пагубнымъ образомъ. Обрусѣніе понимается не такъ, что нужно подкрѣплять, оживлять и пополнять тамошнихъ русскихъ людей, а такъ, что ихъ нужно замѣнять новыми русскими людьми. Отъ этого вездѣ происходитъ, какъ мы уже однажды поясняли, великая смута и путаница; но нигдѣ нѣтъ такихъ крайностей въ этомъ отношеніи, какъ въ Минскѣ. Въ центрѣ Бѣлоруссіи молдаване-обрусители! Что еще можетъ быть страннѣе этого!

Но нѣтъ такого дурного склада жизни, въ которомъ нельзя было бы найти ничего хорошаго. Находилъ я и въ Минскѣ это хорошее и даже чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Смущенный недоумѣніями и скорбями старыхъ минскихъ людей, я пошелъ въ среду молодыхъ людей, недавнихъ студентовъ нашей и другихъ академій, и нашелъ въ этой средѣ прекрасныхъ, бодрыхъ людей, въ бесѣдѣ съ которыми отводилъ душу, и съ радостію указывалъ на нихъ старымъ людямъ. «Вѣдь, вотъ, есть же и у васъ бодрые, и даже веселые люди», говорилъ я. Но старые люди сейчасъ же убавили мою радость. «Погодите», говорили мнѣ, «ознакомится скоро и они съ нашими скорбями. Теперь они женихи,—вездѣ желанные люди, а какъ выяснится, что они хотятъ жениться по собственному выбору, такъ заюютъ другое», и при этомъ выяснили мнѣ по-

вую особенность минской жизни, которую я, впрочем, часто видѣлъ и въ другихъ мѣстахъ западной Россіи. Какъ только въ эту страну пріѣдетъ на службу какой-либо вліятельный человѣкъ, такъ сейчасъ разводятся свое племя; наѣзжаютъ не только женихи, но и не вѣсты. Это очень хорошо, когда дѣлается естественно и въ мѣру. Съ русской точки зрѣнія нужно радостно привѣтствовать всякую новую русскую семью въ западной Россіи. Но когда это дѣлается въ крупныхъ размѣрахъ и, такъ сказать, по административному усмотрѣнію, то выходитъ очень не хорошо, — очень накладно и жутко и мѣстнымъ женихамъ и мѣстнымъ невѣстамъ, да и старымъ людямъ не обходится безъ обиды и утѣшеній.

Ища далѣе выхода изъ-подъ гнета тяжелыхъ впечатлѣній, я обратился затѣмъ къ совершенно новымъ русскимъ людямъ и прежде всѣхъ къ самому вліятельному изъ нихъ. Время, проведенное мною въ бесѣдѣ съ этимъ лицомъ, доставило мнѣ величайшее наслажденіе и умиротвореніе. Я увидѣлъ и чисто русскій взглядъ на вещи и сердечное отношеніе къ существеннымъ нуждамъ страны и, что особенно рѣдко теперь, желаніе изучать эти нужды. Меня лишь одно смущало, — найдетъ ли этотъ новый русскій дѣятель достаточно силы въ себѣ устоять на своемъ пути и достаточно опоры въ своихъ сотрудникахъ. Въ Минскѣ, какъ увидимъ ниже, былъ длинный рядъ самыхъ пагубныхъ вліяній, которыя тамъ залегли очень глубоко.

Наконецъ, передъ выѣздомъ изъ Минска, я имѣлъ утѣшеніе видѣть, что даже мои непритязательныя усилія стали пробивать скорлупы, въ которыя заключились и запрятались другъ отъ друга многіе минскіе русскіе люди. Мнѣ удавалось видѣть ихъ и въ небольшихъ группахъ и даже въ значительномъ сборѣ. Мнѣ досталось даже неожиданное счастье. Меня сильно желалъ видѣть, но сначала не рѣшился прямо подойти, а видѣлъ лишь издали, и только передъ самымъ моимъ выѣздомъ повидался со мною народный учитель, — совершенный еще юноша, но пережившій уже очень многое. Стоя у самой земли, онъ какъ бы не видѣлъ пронесшихся надъ нимъ русскихъ опустошительныхъ бурь, а ловинуясь народной тѣгѣ, вырвался изъ оковъ латинства, воспринялъ сердечно русскую вѣру и русское ученіе и теперь вошелъ даже въ область изученія памятниковъ стараго минскаго православія. Какая странность, въ губернскомъ городѣ Минскѣ, постоянно думалось мнѣ: всѣ тамошніе русскіе люди, какихъ я видѣлъ, въ гдѣльности люди хорошие, съ несомнѣнными достоинствами, а между тѣмъ жестоко раз-

единены! Кто бросил мечь въ ихъ среду и разсѣялъ ихъ по закоулкамъ личной жизни съ тревогой за завтрашній день?

Несправедливо было бы искать причинъ этого зла въ одномъ недавнемъ времени. Тутъ не мало и стараго зла, и когда я перебиралъ историческое наростаніе его, передо мною вставали многіе темные образы и умершихъ и живыхъ русскихъ дѣятелей, поработавшихъ на минской землѣ не мало, но не къ чести Россіи, и впереди всѣхъ предсталъ передо мною печальный образъ генерала Потапова. Извѣстно, что по одному чисто частному, такъ сказать, интимному обстоятельству ему особенно была дорога минская губернія, и онъ на ней сосредоточивалъ самое сердечное вниманіе, о силѣ и характерѣ котораго можно судить уже по тому, давно оглашенному факту, что однажды онъ открыто, при большемъ сборѣ русскихъ и нерусскихъ людей, срамилъ за распространеніе православія собравшееся привѣтствовать его православное духовенство и, указывая на тутъ же стоявшихъ ксендзовъ, призывалъ его подражать имъ, какъ лучшимъ образцамъ пастырства. Поэтому неудивительно, что въ Минскѣ осталось такое богатое наслѣдство отъ этого невѣроятнаго нынѣ начальника сѣверозападнаго края, какового уже нѣтъ ни въ какой другой мѣстности этой страны. Всѣмъ извѣстно, поразившее весь русскій міръ и до сихъ поръ не потерявшее своей религиозной остроты, логишинское дѣло, какъ несомнѣнное наслѣдіе потаповскихъ временъ. Но подобныхъ наслѣдствъ еще не мало въ минской области. Кто можетъ, на примѣръ, теперь предполагать, чтобы русскій правитель русской области могъ усвоить себѣ и даже откровенно высказывать такую теорію, что онъ не станетъ поддерживать православнаго духовенства, потому что поляки, если онъ ихъ будетъ поддерживать, дадутъ ему значеніе; жида дадутъ деньги; а православное духовенство ничего ему не дастъ, кромѣ хлопотъ и неприяностей? Однако это фактъ, имѣвшій мѣсто въ Минскѣ даже послѣ Потапова. Кто можетъ представлять себѣ возможнымъ, чтобы отдавъ былъ въ аренду жидамъ загородный архіерейскій домъ, въ которомъ была домовая церковь? Однако это фактъ, совершившійся въ Минскѣ при великомъ другѣ генерала Потапова, и съ этимъ фактомъ тамъ до сихъ поръ считаются.

Удерживаюсь отъ разсказа о другихъ дѣлахъ, еще болѣе невѣроятныхъ и еще болѣе возмутительныхъ, удерживаюсь потому, что не имѣю ни малѣйшаго желанія дразнить чьи-либо страсти, а желаю лишь объяснить современную русскую безжизненность Минска что, надѣюсь, и при указанныхъ фактахъ достаточно ясно.

Когда я выѣзжалъ изъ Минска и давалъ себѣ отчетъ въ полученные тамъ впечатлѣнія, мнѣ невольно вспомнилось одно поэтичное мѣсто изъ первой псковской лѣтописи, именно слѣдующее: «О, славнѣйшій граде Пскове великій! почто сѣтуеши и плачеша? И отвѣча прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорѣти своего опустѣнія? Прилетѣлъ бо и многакрылій орель (нужно бы сказать, прилагая къ Минску, не орель, а коршунъ, и даже не одинъ, а многіе), исполнь крыль лъвовыхъ ногтей, и взять отъ мене три кедра ливанова, и красоту мою и богатство и чада моя восхити, Богу попустившу за грѣхи наша...»

Много, много нужно положить русскаго, православнаго труда на минской землѣ, чтобы она одѣлалась опять плодородной *).

М. Кояловичъ.

*) Статья эта была уже набрана, когда мы прочитали въ 3912 № «Новаго Времени» сужденія о западной Россіи г. Соловьева, въ которыхъ крупныя правды обезображены, пересыпаны и наконецъ совсѣмъ засыпаны чудовищными нелѣпостями, тѣмъ болѣе важными, что такихъ господъ, какъ Соловьевъ, теперь въ западной Россіи немало. И напечатанная эту статью редакція «Новаго Времени» дѣлаетъ къ ней значительныя поправки. Но такія статьи слѣдуетъ не обставлять поправками, а громить. Авторъ этой статьи, какъ и немалочисленные теперь его единомышленники, становится на печальную и въ свое время, а теперь совсѣмъ запоздалую точку зрѣнія Іоанна III и Василія Іоанновича, которые безцеремонно переселяли одно на мѣсто другого русскія населенія, и даже идетъ гораздо дальше Іоанна III и Василія Іоанновича, потому что совѣтуетъ переселять постоянно тамошнихъ русскихъ людей и не даетъ пощады даже простому народу. Жидовъ и поляковъ однако не трогаетъ. Онъ ихъ считаетъ, очевидно, крѣпкими западнорусской землѣ. Еще болѣе нетерпимо онъ относится къ явленіямъ западнорусскаго быта, безразбора смѣшивая все съ подонизмомъ, и доходитъ тутъ до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, что совѣтуетъ, напримѣръ, противодействовать частому тамъ причащенію св. таинъ и недопускать причастниковъ въ мясоѣды, не соображая, очевидно, даже того, что вовсе не желательно распространять въ западной Россіи ужасный обычай, существующій и до сихъ поръ въ восточной Россіи даже въ простомъ народѣ, что православный христіанинъ не причащается по цѣлымъ годамъ. До чего еще дойдетъ фанатическое невѣжество въ отношеніяхъ къ мѣстнымъ западнорусскимъ обычаямъ, которые нерѣдко, при видимомъ сходствѣ ихъ съ латинскими, ведутъ свое начало изъ глубокой православной древности! Все мое прошлое и самые года старости даютъ мнѣ достаточно устойчивости, чтобы уже никогда не сдѣлаться сепаратистомъ; это-то, надѣюсь, и даетъ мнѣ право съ одинаковою рѣзкостью нападать не только на западнорусскіе сепаратизмы, но и на великорусскій сепаратизмъ, несомнѣнно существующій

и несомненно теперь развивающійся къ великой пагубѣ Россіи. Одна уже статья г. Б. Соловьева доказываетъ это неоспоримо, и нельзя не, благодарить редакцію «Новаго Времени», что она напечатала такую убѣдительную иллюстрацію этого печальнаго явленія. Всѣхъ такихъ сепаратистовъ мы считаемъ своею обязанностию спросить: желаютъ ли они доводить русскихъ людей западной Россіи до отчаянія и шутить съ тѣми послѣдствіями, которыя могутъ отсюда выйти? Не мѣшало бы имъ имѣть въ виду хотя то одно, что могутъ настать такіа времена, когда опять понадобятся тѣ историческія доблести русскихъ людей западной Россіи разныхъ племенъ и происхожденій, которыя уже не разъ поднимали тамъ на ноги даже самыхъ, повидимому, безжизненныхъ въ русскомъ смыслѣ людей, вызывали ихъ на чудеса мученичества и исповѣдничества и доставляли торжество народной, глубоко и тамъ залегающей, русской, православной тягѣ къ единой, нераздѣльной Россіи. Никакого добра не можетъ выйти изъ такой теоріи обрусѣнія западной Россіи, по которой одна часть тамошнихъ русскихъ (прибывшіе изъ внутреннихъ губерній) осуждается на постоянную перетасовку, страствованіе, точно какая кочевая орда, а у другой ихъ части (родившихся на мѣстѣ) отнимается самое право на русское православное существованіе, и наконецъ между той и другой кидается мечъ непримиримаго раздора. Это безразсудная, возмутительная теорія! (Примѣчаніе автора).

